

Кировское областное государственное общеобразовательное бюджетное
учреждение «Средняя школа с углубленным изучением отдельных
предметов пгт Санчурск»

**Необыкновенная судьба
обыкновенного выпускника Санчурской школы –
участника Великой Отечественной войны**

Прыгунова Анна

8а класс

2015 г.

Содержание

Введение.....	3
1.Основная часть.....	4
1.1.Дорога на фронт.....	4
1.2.Первый день на передовой.....	5
1.3.Преследование.....	6
1.4.Бои за плацдарм.....	9
1.5.Тридцать два года спустя.....	18
Заключение	20
Источники информации.....	21
Приложения.....	22

Введение

Ушли сурово, без оглядки,
Не нарушая плотный ряд –
Шагая твёрдо, по – солдатски,
От школьной двери прямо в ад...

Всё дальше и дальше в прошлое уходят события Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. А что знает наше поколение о том времени? Каждый день в течение 11-ти лет мы ходим в родную Санчурскую школу и даже не задумываемся о судьбах выпускников, которые со школьной скамьи шагнули в солдатский строй.

Актуальность нашей работы заключается в том, что каждый учащийся нашей школы должен знать истории о выпускниках военных лет.

Объектом исследования является Санчурская средняя школа.

Научная новизна работы определяется изучением военной биографии выпускника Ухова Ивана Александровича, участника Великой Отечественной войны, подполковника запаса, уроженца деревни Малая Шишовка.

Цель исследования: изучение жизни ученика Санчурской школы, выпускника 1942 года, ветерана Великой Отечественной войны и труда, человека нелегкой судьбы, всю свою жизнь проработавшего на благо своей Родины – Ухова Ивана Александровича.

Задачи исследования:

2. Познакомиться с военной биографией Ухова Ивана Александровича
3. Узнать о подвиге Ухова Ивана Александровича.
4. Рассказать о результатах исследования ученикам школы.

Гипотеза исследования:

Если каждый школьник будет интересоваться историей выпускников, то он будет передавать эту информацию из поколения в поколение, что привьёт интерес к истории родной школы и любви к ней.

Сроки исследования.

Декабрь – март 2014-2015 учебного года.

Методы исследования.

- Интервью;
- Анализ периодической печати и литературных источников;

1.Основная часть.

Ухов Иван Александрович, уроженец д.М.Шишовка –обычный выпускник Санчурской школы 1942 года с необычной судьбой.В ноябре 1943 года мать Ивана Александровича получила на сына «похоронку», а позднее узнала, что на берегу Днепра, на обелиске высечено имя её погибшего сына.Эту историю поведал сам Ухов И.А. летом 1989 года, посещая родную школу. В память о себе передал школьному музею книгу «Дорогами войны» (См. Приложения 1,2,3) с автографом, в которой напечатан рассказ о боевом пути на Украинском фронте во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

1.1.Дорога на фронт

Август 1943 года. Только что победно завершилось сражение на Курской дуге. Эшелон с маршевыми ротами спешит к фронту. Из вагонов видны следы недавних жестоких боев: подбитые танки и пушки, воронки от бомб и снарядов, трупы немцев в глубоких придорожных оврагах...

Остановка в Орле, Курске и Белгороде. Города лежат в руинах и кажутся мертвыми.

За Белгородом конец нашего пути по железной дороге. Разгрузились прямо в поле. Дальше - только пешим порядком.

Погода стоит сухая и теплая. На первом привале осматриваем останки сбитого немецкого самолета. С наступлением темноты наблюдаем на западе лучи шарящих по небу прожекторов. Там линия фронта.

Нам по 18-19 лет. На фронт прибыли впервые. Все кругом необычно. На душе тревожно. Каждый думает: что-то ждет его впереди...

1.2.Первый день на передовой

В ночь на 27-е или на 28-е августа группу новичков, в которую входил и я, под покровом темноты привели в какое-то село. Предупредили: не курить, не шуметь - фашисты близко. Предупреждение мы приняли буквально и старались даже шепотом между собой не говорить.

И вдруг, проходя мимо одного крестьянского двора, мы услышали мужской богатырский храп среди тишины украинской ночи. Мне наивно подумалось: какой же это странный фронт, если можно так храпеть на передовой...

Распределение пополнения производили офицеры в доме при свете коптилки. Перед отправкой на фронт нас одели во все новое. Знаки сержантского отличия на солдатские погоны я нашить не успел. Подробностей знакомства не помню, но, может быть, по этой причине мне не дали никакой командной должности, а сам я не видел разницы, в какой роли воевать. Так фактически и остался рядовым 127 гв. стр. полка 42 гв. с.д., хотя по документам, как потом оказалось, законно числился наводчиком и сержантом. (Бывший командир 127 гв. с.п.Герой Советского Союза полковник в отставке А.П. Дмитриев вспоминает, что из этого пополнения в 97 человек была сформирована 2 с.р., которая позднее, уже на Днепровском плацдарме, вместе с автоматной ротой полка составила 1 стр. батальон, которым командовал гв. к-н Охапкин Григорий Иванович, 1894 года рождения, уроженец Кировской области.)

Затемно нас вывели за село на передовую. Меня «подсадили» в одиночный окоп к обстрелянному бойцу, который и по возрасту был старше меня.

Мы оба были вооружены карабинами. С рассветом обозначилась линия ротных окопов, расположенных вдоль невысокого вала, видимо, отделявшего огорода от поля.

Высоко в небе появился странный двухфюзеляжный самолет. Мой «наставник» объяснил, что это «рама» - немецкий самолет-разведчик.

Спокойное и деловитое поведение старшего товарища передалось и мне. Захотелось своими глазами увидеть немецкую оборону. С согласия напарника я стал осторожно приподниматься из окопа и рассматривать впереди лежащее поле. Кучи снопов, стерня, стебли сорняков. Больше ничего не увидел. «Наставник» объяснил, что немцы закопались в землю и замаскировались, что накануне они были тут и стреляли.

Через несколько часов поступила команда покинуть окопы и собраться в назначенном месте. Мы пошли вперед и вправо. И вот я увидел впервые близко немца, но не живого, а убитого. Впервые увидел и лужицу человеческой крови...

Противник отступил без боя. Началось преследование.

1.3.Преследование

Солдат - самая тяжелая должность на войне. Почти месяц каждый день, а иногда и ночь мы шли вперед до самого Днепра. Шли с сознанием того, что каждый шаг - это еще один метр освобожденной от фашистов украинской земли. Марши и бои изматывали физически до крайности. Научились засыпать стоя, а вот на ходу это у меня не получалось - сразу бросало в сторону, отчего и просыпался. Бывало, я (да и не только я), когда совсем выбивался из сил, в душе молил противника: остановись, дай передохнуть... Немцы, как правило, к вечеру оставляли на нашем пути арьергардные заслоны, которые открывали огонь. Тогда мы ложились на землю, кое-как окапывались и засыпали. Но не всегда было так. Иногда противник оказывал серьезное сопротивление и даже контратаковал.

Помню, как однажды дождливым утром немцы произвели по нашей позиции артналет из дальнобойных орудий. Значит, корректировщик сидел где-то вблизи и видел нас. Разрывы тяжелых снарядов поднимали землю на дыбы. Один из них врезался в пашню недалеко от меня прямо под голову молодого солдата, но не взорвался. Земля под нами задрожала от удара, а солдата подбросило. Что от него осталось бы, если бы снаряд разорвался?.. Фашисты засели в лесопосадке. Завязалась перестрелка. У противника, похоже, были и снайперы. Одному молодому солдату пуля выбила оба глаза...

В другой раз дело было так. Как-то к вечеру с боем было занято село. Окапывались за околицей на кукурузном поле. Ночью на вражеской стороне был слышен шум моторов. Видимо, противник на машинах подбрасывал подкрепление. Наутро фашисты предприняли мощную контратаку. Мы были вынуждены оставить этот населенный пункт. И, конечно, с потерями... Когда я бежал по огородам, одновременно слева и справа от меня разорвались две мины. До сих пор удивляюсь, как это тогда меня даже не царапнуло.

Хорошо помню, как я впервые испытал на себе бомбежку. Мы шли проселком. Впереди виднелось большое село. Вдруг появилась группа немецких пикирующих бомбардировщиков. Мы рассыпались по полю и залегли. Я смотрел, как самолеты один за другим входят в пики. Вот от ведущего отделилась черная точка и под углом устремилась к земле. За ней - вторая, третья, четвертая... И взрывы, взрывы... Хотелось втиснуться в матушку-землю. Когда самолеты делали второй заход, я решил внимательно следить за углом их пикирования и траекторией полета бомб, чтобы в считанные секунды делать стремительные перебежки в сторону от места их предполагаемого разрыва. Сделал несколько бросков навстречу самолетам и бомбам. Действовал правильно, ибо бомбы рвались за моей спиной. Среди нас опять были потери...

...Вошли в село. В разных местах горели хаты. На одной из улиц стоял танк Т-34, забросанный землей. Рядом - свежая воронка от бомбы. Один из

танкистов показывает, что осталось от их товарища. А осталось вот что: палец от руки, лоскут кожи с подошвы ноги, клочки шинели... И больше ничего!

Если немцы, отступая, обходили тот или иной населенный пункт или оставляли его без боя, то жизнь мирных людей текла своим чередом. Но фашистам важно было задержать наше продвижение и тем самым выиграть время для создания «непреступной» линии обороны по Днепру. И если их очередным рубежом сопротивления становилось село, то в него неожиданно врвалась война. Вспоминаю такой маленький эпизод. Жители одного села на наши расспросы о противнике отвечали, что немцев нет. Их действительно не было в селе, но они оставили заслон сразу же за огородами. Селяне об этом не знали и занимались своими повседневными делами. Естественно, произошла стычка, началась перестрелка. Мы залегли на огородах. Левее меня мирно паслась упитанная черная корова, привязанная веревкой к дереву. Заработал фашистский пулемет. Щелчки от разрывных пуль заполнили пространство. Реагируя на них, корова инстинктивно мотала обращенной в сторону немцев головой, как бы отбиваясь от невидимых слепней. К счастью хозяев, корова в этой перестрелке уцелела, а в нашей роте были раненые.

...Наш путь пролегал по дорогам Харьковской, Черниговской, Сумской, Киевской областей. Мы прошагали много километров. И везде украинцы встречали нас радушно, как братьев. В основном за их счет мы и кормились, так как полевая кухня часто отставала. Я и сейчас, через 32 года, с благодарностью вспоминаю эти первые встречи освободителей с освобожденными. Незабываемый сердечный прием местных жителей укреплял в нас веру в окончательную победу.

В конце концов наша рота достигла села (в мае 1975 г. я узнал, что это село носит название Гусенцы), откуда просматривался высокий правый берег Днепра.

Оставшиеся в строю безусые солдаты за месяц непрерывных боев, непрерывного наступления научились воевать. Им предстояло форсировать Днепр примерно в 60 километрах южнее Киева.

1.4. Бои за плацдарм

Обстановка сложилась так, что наша рота оказалась во втором эшелоне. Поэтому мы на левом берегу задержались на сутки дольше других. Подготовка к переправе состояла из элементарного приведения в порядок оружия и себя, получения патронов, гранат, сухого пайка.

Патронов и гранат было выдано больше обычного.

С вечера 26 сентября рота сосредоточилась на берегу Днепра для переправы. Всю ночь мы лежали в кустах у воды, ждали команды на форсирование, нервничали по поводу того, что нас застанет рассвет. Темнота казалась спасением, хотя именно пока было темно, самолеты противника летали вдоль реки, вешали «фонари», сбрасывали бомбы и пугали воем сирен. Представлялось, не от хорошей жизни фашисты ночью воют, как тысяча кошек, которых собираются удавить.

Все мы душой уже были на правом берегу, потому что там было наше место.

И только с рассветом 27 сентября для роты подали большие металлические лодки, которыми управляли саперы. Быстро погрузились и поплыли. Стало совсем светло. В небе тишина. Видимо, у немцев в воздушном патрулировании над Днепром образовался «антракт». Посредине реки у песчаной косы наблюдали торчащие из воды часть понтона и ствол пушки. Нас такая участь миновала...

Рота без каких-либо помех достигла кручи правого берега. Мы вскарабкались наверх и оказались в лесу. Пошли по берегу реки направо и достигли глубокого, заросшего лесом оврага. (При посещении плацдарма в мае 1975 года я узнал, что лес и овраг называются урочищем Янча.)

Затем, двигаясь вверх по оврагу, мы вышли в поле, где и окопались. Кто из офицеров нас вел, не помню. Память сохранила некоторые события и картины первого и последующих дней пребывания на плацдарме.

Перед тем, как выйти из оврага на чистое поле, я неожиданно наткнулся в кустах на труп немецкого солдата и инстинктивно отпрянул, успев, однако, зафиксировать, что погиб он от разорвавшейся рядом мины, что труп был «несвежий» - от дневной жары начал раздуваться.

Справа от нас, за оврагом и полем, виднелось большое село. (Теперь я знаю, что это село называется Гребни.)

В течение дня по позиции роты противник произвел сильные огневые налеты из минометов. Прежде чем взорваться, мины противно выли. (Побывав в мае 1975 г. на плацдарме, я могу предположить, что минометы били из ложины, в которой раскинулось село Юшки.) Но мы глубоко зарылись в землю и поэтому только прямое попадание, вероятность которого невелика, привело бы к потерям.

В первый же день, в один из перерывов между минометными обстрелами, группе бойцов, в которую входил и я, но не помню, кто ею командовал, была поставлена задача уничтожить огневую точку противника. На поле стояли кучки сжатого хлеба и стерня, что позволило немцам тщательно замаскироваться. Попадались трупы наших солдат. Значит, уже до нас кто-то пытался «выкурить» фашистов. Самое трудное состояло в том, чтобы обнаружить, где засели немецкие снайперы-«смертники». Пока вслепую приближались к ним, потеряли несколько человек. Как выстрел, так нет человека. Подолгу лежали, но боевую задачу выполнять надо. Наконец обнаружили из-под какой кучи снопов бьют фашисты. Дальнейшие действия таковы: мы из карабинов и расчет «максима» из пулемета непрерывным огнем не давали «фрицам» поднять головы, а в это время один боец с ручным пулеметом обошел окоп противника справа и, поднявшись из-за кучи снопов, почти в упор расстрелял немцев. Их было двое. Голова одного из них была перевязана свежим бинтом, через который проступала кровь. Ненависть к

этим «фрицам» была такова, что мы их вытащили из окопа, но добивать было некого - это были уже не враги, а их трупы...

Как оказалось, в стороне сидел еще один немец, но он не захотел разделить участь двух первых и вовремя убежал за дорогу (в направлении села Юшки). Сплошной обороны у противника на этом участке не было. После уничтожения заслона мы обследовали часть поля, причем ходили в рост, и по нам никто больше не стрелял.

Выполнив задачу, возвратились в свои ротные окопы.

В следующую или через одну ночь в составе значительной группы я участвовал в ночном поиске. Было темно и туманно. Видимость - несколько метров. Конкретной цели поиска не знаю. Ходили мы за дорогу. (В сторону с. Юшки, но направление движения несколько раз менялось.) Никакого населенного пункта не достигли. На поле попадались большие скирды хлеба или соломы. Боролись с соблазном забраться в них и уснуть. Как хотелось спать!

Бродили долго, после чего вернулись в свои окопы. (А.П. Дмитриев вспоминает, что батальон в эти дни прикрывал левый фланг полка.)

30 сентября рота оседлала дорогу на Ржищев. (По данным А.П. Дмитриева, 30.09 там находился весь полк, что подтверждается записью в журнале боевых действий полка: «29.09.43... с 11.00 полк приступил к выполнению новой боевой задачи - наступать вдоль дороги на Ржищев...») Днем фашистский самолет совершил бреющий облет наших позиций. В дневное же время с левого берега «заиграла» «катюша». Мы обрадовались, что о нас помнят. Но снаряды разорвались сзади нас, не причинив, правда, ущерба.

Непосредственного соприкосновения с противником не было. Ближе к вечеру приступили к очередному окапыванию. Мне досталось место справа от дороги около старого полусухого дерева, кажется, ветлы. (Сейчас этого дерева нет, но местные старожилы его помнят.)

Только я начал работать, как по дороге из-за пригорка со стороны Ржищева в наше расположение неожиданно ворвалась колонна немецких бронетранспортеров. Чтобы не быть расстрелянными с бронетранспортеров на открытом поле, мы скатились в отрог оврага. Немцы открыли ураганный огонь. У нас получилась заминка. Никто толком не знал, что необходимо предпринять в создавшейся ситуации. И в этот момент по бронетранспортеру открыла огонь наша пушка. Артиллеристы били метко. Одна за другой вспыхнули несколько машин. Этот бой выиграли именно артиллеристы. (Предполагаю, что упомянутый бой должен хорошо помнить бывший начальник артиллерии 127 гв. с.п. Трошилов П.С., ныне проживающий в г. Киеве.) Ночью немцы атак не предпринимали, но с помощью танков пытались отбуксировать подбитые бронетранспортеры. Я физически до предела был измотан и, когда напряжение боя спало, уснул недалеко от пушки в какой-то ямке.

Утро 1 октября выдалось туманным. Так как накануне подразделения перемешались, то мне прежде всего надо было найти свою роту. Я двинулся на те позиции, которые рота занимала накануне. На моем пути встали остовы обгоревших немецких машин. Около них валялись трупы фашистов. Продвигаясь вперед, наткнулся на лежащего в воронке раненого воина, которого только что обнаружили и забирали санитары. Как выяснилось, вечером его ноги переехал немецкий бронетранспортер. Боец нашел в себе силы отползти и укрыться в воронке.

В тумане попадались солдаты, которые тоже искали свои подразделения. Один из них оказался со мной из одной роты. Мы пошли вместе. Судьбе было угодно объединить нас на несколько часов в этот роковой день. Но об этом позже.

Вскоре мы нашли новую линию обороны роты. Представились новому командиру, у которого были пушистые волосы русого цвета. (Мне тогда подумалось, что прежнего командира роты, видимо, сняли с должности за нерешительные действия накануне, но истинная причина смены командиров

мне неизвестна.) Ротный обрадовался пополнению и подал нам по чарке рома. Настроение у него, помнится, было боевое. Тут же в овраге кучкой лежали буханки хлеба, впервые доставленного прошедшей ночью за все дни на всех живых и мертвых...

Командир роты указал место, где нам надлежало окопаться. Во избежание одиночества, я и этот солдат вырыли окоп на двоих. Когда мы закончили работу, туман уже рассеялся. Показалось солнце.

Мы вставили запалы в противотанковые гранаты и выложили их на бруствер. Появилась возможность осмотреться. Слева и справа - такие же незамаскированные окопы. Перед нами - та же дорога. Сзади - овраг. Под углом слева - стена кукурузы.

Потянулись томительные часы ожидания. Временами мы о чем-то говорили. Напарник рассказал о себе: месяц назад получил сквозное пулевое ранение в ногу и прибыл на плацдарм из медсанбата. Я спросил, выпался ли он в медсанбате, на что он ответил утвердительно и добавил, что читал там книжки.

Я заметил, что в зарослях кукурузы то появляется, то скрывается голова немца. Судя по поведению, это был разведчик. Решил по нему стрелять. Стрелял два или три раза, выжидая появления головы и тщательно целясь. Не знаю, попал или нет, но голова фашиста перестала появляться.

Мое внимание не раз привлекала следующая картина: в нескольких десятках метров от нас, слева, положив голову на бруствер, лежал мертвый молодой солдат, но его поза и освещенное яркими лучами солнца лицо создавали впечатление, что он просто сладко и безмятежно спит...

В мою голову лезли непрощенные мысли о смерти. Находило даже безразличие к жизни, но оно было мимолетным и явилось результатом страшной физической и психической усталости. Думалось: если убьют, то пусть только сразу, без мучений, а если ранит, то пусть только не до уродства. А перспектива быть убитым или раненым казалась осязаемой реальностью, ибо третьего пути практически не было. Я это понимал и умом,

и сердцем. И в то же время как хотелось жить!.. Казалось, какая разница, кем быть после войны и что делать - лишь бы жить. Но это были грезы. Шанс на то, чтобы выжить, был минимальный. В сознание закрадывалось чувство обреченности. Чем взять танки, если за все дни боев на плацдарме я видел одну пушку, да и что с ней и где она сейчас...

...Тишина. Пригрело солнце. Слева, за кукурузой, и далее полукругом по границе поля и оврага полыхает осенними красками лес. Впереди, до самой дороги - зеленый ковер нежной озими. Все живые зарылись в землю. Никого и ничего не видно и не слышно. Только неубранные трупы своих и врагов лежат поверх земли. Но и они не на виду. Ты только знаешь, где и сколько их видел. (В мае 1975 г. от жителей сел Гребени и Юшки мне стало известно, что трупы погибших на плацдарме убирались только весной 1944 года.)

...Тянется время. Все выше поднимается солнце. Все теплее становится воздух. Тебя гнетет крайняя физическая усталость и нечеловеческое нервное напряжение. Чувство голода притупилось и особенно не мучает. Сознание говорит: «Ты - смертник, так преодолей же боязнь смерти... Так надо! Вчера наскочили бронетранспортеры, ночью урчали танки... Тишина не вечна - скоро начнется... Ты должен сражаться до конца...»

...Во второй половине дня со стороны Ржищева противник начал массированную артподготовку. Самолеты сбрасывали бомбы с низкого горизонтального полета. Вой, свист, разрывы... Потом все стихло. Мы с другом выглянули из окопа и увидели: через дорогу, напротив нас, перевалили 3-4 танка, а за ними густой массой перебежками наступает пехота. (Я теперь знаю, что это были свежие силы переброшенной из глубины бронетанковой дивизии СС «Рейх».) Силы были явно неравны. Как хотелось, чтобы пехоту противника накрыли наши минометы, а по танкам - ударили пушки. Но их, видимо, не было. Немцы пока наступали методично и беспрепятственно.

Танки остановились перед нами примерно в 300-х метрах и стали из орудий бить по выделяющимся на озими окопам. А нам взять их на таком расстоянии было нечем.

...Вдруг я почувствовал мгновенный страшной силы удар. Очнувшись, понял, что ранен и истекаю кровью. Больше инстинктивно, чем сознательно, повернулся к своему товарищу и крикнул:

- Перевяжи!...

Но товарищ был мертв - осколки превратили его голову в кровавое месиво, а тело осело на дно окопа. В бруствере дымилась воронка от только что разорвавшегося танкового снаряда... Пережитое мною в эти мгновения похоже описано в стихотворении Твардовского:

Я не слышал разрыва,

Я не видел той вспышки -

Точно в пропасть с обрыва -

И ни дна, ни крышишки...

Мысль работала четко. Проснулись силы самосохранения. Помочь тебе некому. Ты еще можешь ползти. Ноги целы. Борись за жизнь!.. Сначала я передвигался на четвереньках, потом - согнувшись. В этот момент пуля прошла левый бок, но боли не прибавилось. Спустился в отрог оврага и увидел, что тут сидят, почти не окопавшись, наш ротный и его помощники. Им поля не видно. Спрашивают: «Что там?» Я ответил: «Танки»...

Двинулся дальше. Вскоре понял, что силы меня оставляют. Сел. На глаза надвинулась ночь... А сознание лихорадочно анализирует: это смерть? - не может быть; наши могут отступить - тогда немцы тут меня, слепого, добьют... (А.П. Дмитриев свидетельствует: «Бой 1.10 закончился тем, что все три стрелковых полка отошли за дорогу, наш полк, в частности, занял оборону перед оврагом Янча, т.е. отступил за овраг.»)

Через считанные секунды зрение постепенно возвратилось. Я снова увидел солнце. Оно стояло вдоль оврага. Сделал попытку перевязать себя. Правой рукой (левая рука повисла) стянул гимнастерку, нательную рубашку

и увидел на них множество дырок, кровь и грязь. (Как я надел новое белье перед отправкой на фронт в первой половине августа, так ни разу и не менял в непрерывном наступлении.) Из кармана вытащил бинт, но с перевязкой ничего не получилось. Решил, пока могу, буду идти вниз по оврагу к Днепру. Рубашку бросил. Гимнастерку взял в правую руку и пошел. Я хватал ртом воздух, но его не доставало. Каждый шаг давался нечеловеческим усилием воли. Кровь на голове начала запекаться. Что творилось на спине, не видел, но чувствовал, как кровяные струйки стекают к опушке брюк...

По лесистому склону оврага тропа вела к реке. На ней меня догнал солдат с винтовкой на плече. (Предполагаю, что это был санитар.) Он вышел вперед и начал меня поторапливать. Я понял, что он прикрывается мной - иначе не имеет права покинуть поле боя. В таком случае он обязан помочь мне идти. Опасаясь, что он вообще может меня бросить, я попросил его подождать меня. Он остановился. Я подошел к нему, обхватил правой рукой его за шею и прорычал: «Будешь бросать - перегрызу глотку!». После этого он тащил меня до самого Днепра.

Под высоким и крутым берегом реки располагался медицинский пункт - небольшая площадка, укрытая от артиллерийского огня обрывом и замаскированная от налетов с воздуха лесом. Здесь меня перевязали проворные руки молодой девушки-санструктора в военной форме, а ласковый голос успокоил, что я буду жить. (В августе 1975 г. мне удалось установить, что этим санструктором была Степкина Аграфена Матвеевна, ныне проживающая в городе Электроугли Московской области.) Нервное напряжение спало, но начались адские боли. Появилась жажда от потери крови. Воображение рисовало жуткую картину того, как хирурги будут извлекать осколки из тела...

...Выше и ниже площадки медпункта рвались снаряды. Опыт подсказывал, что хотя я лежу и не в укрытии, но в безопасном месте. Начало вечереть. Мне становилось холодно. В это время сверху на немецкой плащпалатке принесли молодого артиллерийского офицера,

который был уже мертв. (А.М. Степкина вспоминает, что это мог быть командир батареи 120-мм минометов гв. капитан Андрей Дадеко. Полковник А.П. Дмитриев подтверждает, что Дадеко был убит 1.10.43 г.) Я решил, что палатка мертвецу не нужна, а мена она спасет от холода. С трудом встал, скатил труп с палатки и сам завернулся в нее. Палатка была залита кровью, острый запах которой щекотал в носу...

С наступлением сумерек девушка-сан-инструктор собрала группу могущих самостоятельно передвигаться раненых и направила их под берегом к переправе. (Переправа действовала под селом Гребени.)

Перед тем, как двинуться в путь во имя спасения жизни, я увидел, что из углубления, вырытого на стыке обрыва и площадки, на нас печально смотрит солдат с перевязанными ногами. (Это, видимо, был тот самый солдат, которому немецкий бронетранспортер переехал ноги.) Он нам завидовал. Мне подумалось, что солдат может тут погибнуть от гангрены. Но нести его было некому.

Нам предстоял тяжкий переход в ночи по песчаной ленте между берегом и водой. (На расстояние приблизительно 2 км.) Этот путь мне показался вечностью...

Через несколько часов мы достигли переправы у песчаной косы. На первую лодку я оказался лишним. Когда причалила вторая лодка, то я, не дожидаясь полной выгрузки ящиков с боеприпасами, зашел по колено в воду и перевалился через борт.

Плыли долго в кромешной темноте, все дальше удаляясь от берега, небо над которым подсвечивалось тревожными сполохами пожара. Там стояли насмерть гвардейцы!

Гребцы-саперы выглядели усталыми. Лодку сносило течением. Ориентиров никаких. Наконец мы достигли левого берега. Мне помогли сойти. На лесной дороге стояли подводы для тех, кто не мог передвигаться. Вскоре мы двинулись в темноту. Я шел, держась за телегу.

Так закончилось мое участие в боях на Гребенивском «пяточке».

1.5. Тридцать два года спустя

Апрель 1975 года. Страна готовится торжественно отметить 30-летие Великой Победы над фашистской Германией. В связи с этим юбилеем Московский институт «Союзгипроводхоз», в одном из подразделений которого я сейчас работаю, организовал для ветеранов войны туристскую поездку в город-герой Киев. Вновь встретившись с Днепром, я невольно мысленно перенесся в то далекое время, когда эта могучая река встала преградой на нашем пути. Мне захотелось когда-нибудь посетить то священное место, где воевал и был ранен. Я всегда зрительно помнил, как расположены на местности относительно друг друга Днепр, овраг, поле, село, дорога, которые составляли «пяточок». Я знал, что тогда это была территория Ржищевского района.

По возвращении из Киева дома меня ждало пересланное братом письмо Гребенивского сельсовета:

«Председателю сельсовета д. М. Шишовка. В братской могиле нашего села Юшки покоится прах Ухова Ивана Александровича, погибшего 4/X-1943 года при форсировании реки Днепр.

Известен адрес его родных того времени...

Просим Вас это сообщение передать родственникам погибшего с тем, чтобы они смогли посетить братскую могилу 9/V-75 года - в день 30-летия Победы над немецким фашизмом. Если они не смогут прибыть на празднование, то просим выслать фотографию для нашего музея...»

Это сообщение меня потрясло. Я знал, что в ноябре 1943 года, когда я лежал в госпитале, мать получила на меня «похоронку», но я никогда не связывал ее с возможным существованием братской могилы на берегу Днепра, на обелиске которой значилось бы мое имя...

...Утро 9 мая 1975 года. С волнением приближаюсь к Гребеням. Я еду «воскресать»... Забочусь, чтобы не завяли цветы, которые везу на братскую могилу в Юшках...

Вот и село. Первые встречи. Но здесь я в 43-м не был. Я только видел его издали. Скорее на поле к оврагу. Со мной директор музея полковник в отставке

В.И. Калиновский и бывший солдат 136-го гвардейского стрелкового полка, участник боев за Гребени В.К. Пожидаев.

...Стоп! Слева - исток оврага. Далее дорога делает поворот. Тут стояла старая ветла, здесь - чернели остовы обгоревших фашистских бронетранспортеров. С точностью до десятка метров определяю то место, где был мой последний окоп. Нагибаюсь взять горсть земли - поднимаю вместе с ней заржавевший осколок от снаряда величиной с ладонь. Осколок беру на память как реликвию. Рядом обнаруживаю кости человеческой руки... Возникает мысль, что это могут быть останки моего боевого товарища, погибшего от снаряда, осколками которого был ранен я...

32 года поле пашется. Но до сих пор оно хранит следы былого сражения. Сейчас на нем проклюнулись ростки кукурузы, а тогда была озимь. Осматриваюсь вокруг. Местность изменилась незначительно. Контуры оврага и прилегающих к нему полей остались прежними. Вот только дорога теперь обсажена пирамидальными тополями да поле пересекла лесопосадочная полоса, отчего обзор стал ограниченнее. Овраг, как и тогда, утопает в зелени. Сохранилась ли там моя заветная тропа, проверить не позволило время. Площадка медпункта под берегом Днепра с поднятием уровня реки оказалась под водой.

...К 14 часам следую на митинг в Юшки, которые я никогда не видел и в которых никогда не был. Спрашиваю, где братская могила - «моя могила»... С душевным трепетом поднимаюсь к памятнику, преклоняю колени и кладу цветы. Переживаю священные мгновения памяти о погибших, среди которых мог быть и я...

После официальной части посещаю школу вместе с ее директором Н.К. Миколенко. Там хранятся документы о боях на плацдарме. В списке воинов, погибших и похороненных на территории Гребенивского сельсовета, моя фамилия значится под номером 59. Делаю собственноручно запись: «Участник боев в урочище Янча. Тяжело ранен. Жив. Домашний адрес: 141200, г. Пушкино, Московской области, Советская пл., 4/12, кв. 53. Подполковник запаса Ухов И.А., 9.V.75. с. Юшки».

На следующий день еще раз побывал на берегу Днепра, где состоялась первая для меня встреча с ветеранами 42й гв. с.д. Вокруг царила мирная жизнь. Ярко светило солнце. Зеленели поля, обещающая обильный урожай. По днепровским просторам проносились «Ракеты». В урочище Янча пели птицы...

За эту мирную жизнь погибли под Гребенями десятки моих боевых товарищей, которым не было и 20 лет. Об этом всегда должны помнить те, кто сегодня счастливо живет под чистым небом РОДИНЫ.

Заключение

Изучение истории Великой Отечественной войны имеет большое значение для патриотического воспитания учащихся, формирования у них гражданственности. Самостоятельный поиск информации, исследовательская работа, изучение источников, встречи с ветеранами войны способствуют приобретению учащимися личностного смысла в изучении истории войны.

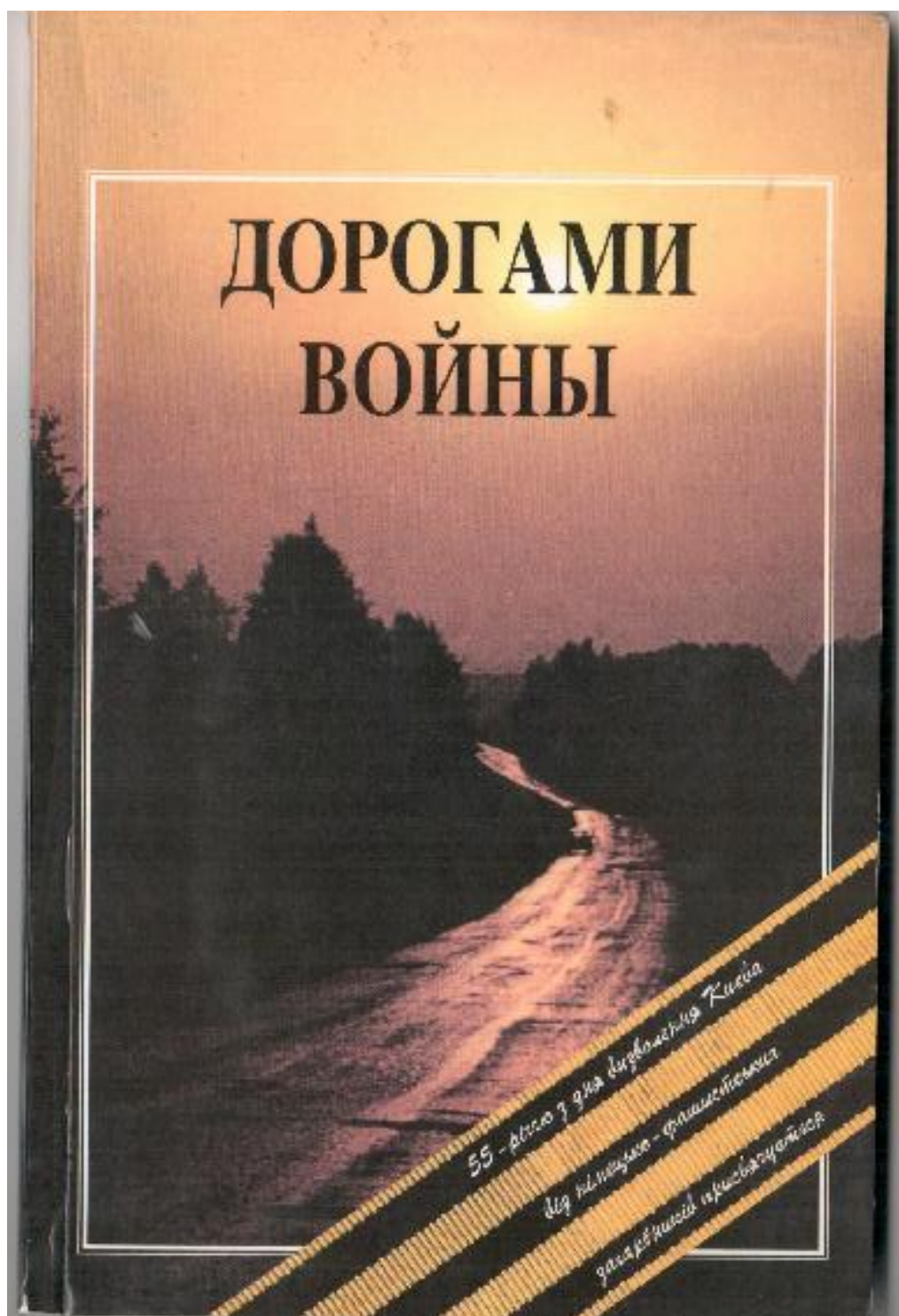
Наше исследование - это первый этап поисковой работы. Далее мы планируем исследовать малоизученный вопрос о судьбах выпускников Санчурской средней школы, внесших достойный вклад в дело Великой Победы.

Гипотеза исследования «Если каждый школьник будет интересоваться историей выпускников, то он будет передавать эту информацию из поколения в поколение, что привьет интерес к истории родной школы и любви к ней» подтверждена, о чем свидетельствует неподдельный интерес

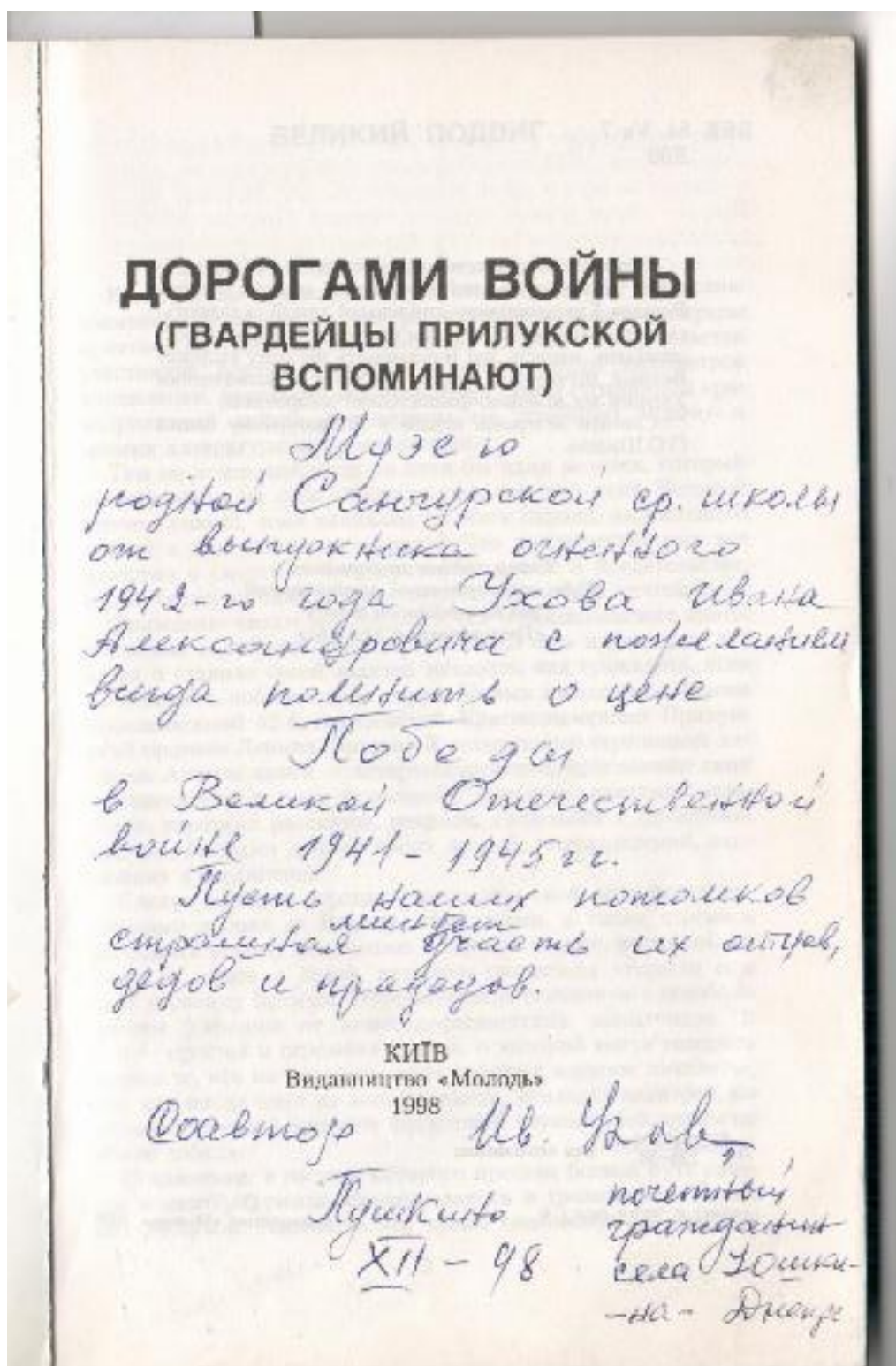
моих одноклассников, после знакомство с биографией выпускника нашей школы Ухова И.А.

Источники информации

1. Дорогами войны.-Киев, 1998, 143с.
2. Воспоминания Ухова Валерия Васильевича (племянника Ухова И.А.), записанные Пахмутовой В.В. в феврале 2015г.
3. Материалы музейной комнаты Санчурской школы

Копия обложки книги «Дорогами войны»

Копия страницы книги «Дорогами войны», подписанная выпускником школы

Уховым И.А.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Омельченко. Великий подвиг</i>	3
<i>А. С. Пихсин. Наш командир</i>	5
<i>В. М. Жуков. В битве за Москву</i>	11
<i>А. П. Губанин. Освобождая Подмоскovie от прага</i>	17
<i>К. В. Комлев. Боевое крещение</i>	21
<i>А. Г. Углев. По заданию командира дивизии</i>	22
<i>С. К. Тихомов. Солдаты-артисты</i>	25
<i>Б. И. Корошиков. Сохранившиеся в памяти</i>	27
<i>В. К. Кисаренко. Прохоровка</i>	33
<i>П. В. Сердюкин. Мои боевые наставники</i>	44
<i>М. Б. Шоц. Я был связистом</i>	47
<i>А. П. Дмитриев. Одновозгание</i>	50
<i>Т. А. Сычева. По лпу сердца</i>	53
<i>Д. М. Колдов. Как мы взяли «языка»</i>	57
<i>Г. В. Реликин. Первыми пришли и последними ушли</i>	59
<i>П. Я. Бажин. Германский батальон</i>	62
<i>И. П. Зима. Враг не прошел</i>	65
<i>И. С. Троицкий. Артиллеристы вырвали</i>	67
<i>Е. А. Клошиков. Вместе с пехотой</i>	71
<i>В. А. Анастасиев. Диспутские кружки</i>	72
<i>И. А. Ухов. Такое не забывается</i>	80
<i>А. М. Степанова. На всю жизнь</i>	86
<i>В. П. Зайцев. Сверхчеловеческий выстрел</i>	88
<i>Д. Я. Уставецков. В том памятном бою</i>	90
<i>В. Г. Чудков. Артиллеристы выстояли</i>	93
<i>М. Я. Гаурин. Памятная пуля</i>	97
<i>Г. М. Сидова. Герой журналист</i>	99
<i>М. И. Баранов. Даеть границу!</i>	104
<i>В. И. Крет. Мой друг</i>	108
<i>А. П. Дьяков. Все эпизоды войны главные</i>	111
<i>А. К. Никорчелной. Памятка в памяти</i>	114
<i>В. Т. Лебанов. Во имя жизни</i>	119
<i>А. Е. Крикунов. Горжусь гвардейской Придуской</i>	123
<i>Ю. М. Анкута. Дружная семья</i>	127
<i>В. П. Гладилов. На перекрестках фронтовых дорог</i>	131
<i>П. А. Сагальев. Живое слово</i>	133
<i>Б. А. Сидоров. Один из немногих</i>	135
Герои Советского Союза 42-й гвардейской Придуской, орден Ленина, Красного Знамени и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии	142